

Б.В. Титлинов

Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I. Титлинов Б.В. Вильна, 1909

Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I.

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.В. Титлинов**
Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I. Титлинов Б.В. Вильна, 1909: Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I. / Б.В. Титлинов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 199 с.

ISBN 978-5-458-32891-3

ISBN 978-5-458-32891-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Протасовскія преобразованія въ духовно - учебныхъ заведеніяхъ.

Эпоха со второй половины 30-хъ годовъ до второй половины годовъ 50-хъ XIX вѣка въ области церковнаго управленія справедливо носить названіе Протасовской эпохи. Тогдашній оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ давалъ направленіе всѣмъ церковнымъ дѣламъ и распоряжался въ Синодѣ, какъ въ своей собственной канцеляріи. Духовные члены Синода принуждены были покорно исполнять желанія оберъ-прокурора и въ своихъ рѣшеніяхъ руководиться не своими, а оберъ-прокурорскими взглядами. Обезличеніе власти іерархической предъ властью оберъ-прокурорской было тогда такъ велико, что современники сравнивали положеніе Синода съ положеніемъ осажденныхъ непріятелемъ и втихомолку говорили о „страданіяхъ церкви“, какъ въ худшія времена XVIII вѣка ¹⁾).

Отличительную черту Протасовскаго времени и Протасовской системы составляетъ между прочимъ то обстоятельство, что управленіе церковными дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ людей, весьма мало компетентныхъ въ этой области. Самъ сдѣлавши свою карьеру главнымъ образомъ благодаря родственнымъ связямъ и искусству отличнаго танцора ²⁾ и будучи призванъ къ оберъ-прокурорскому посту почти прямо отъ занятій гусарскаго полковника, по случайному недоразу-

---

¹⁾ Характеристику оберъ-прокурорства гр. Протасова можно читать у В. Θ. Благовидова. „Оберъ-Прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX стол.“ О протасовскомъ всевластіи и его некорректно-властномъ обращеніи съ синодскими членами см. Приб. къ Тв. Св. О. 1883 г. кн. I. стр. 239, 255 (письма преосв. Филарета черниг. къ А. В. Горскому), Истор. Вѣсти. 1882 г. ноябрь, стр. 398—408 (ст. Н. С. Лѣскова „Синодальныя персоны“), Русск. Стар. 1885 г., окт., дек. (статья „Филаретъ Дроздовъ, м. московскій“), у Чистовича, „Руководящіе дѣтели дух. просв.“, прибавленія.

²⁾ Ист. Вѣсти. 1882 г. № 11, стр. 382.

мѣню, гр. Протасовъ не умѣлъ, а быть можетъ и не могъ избрать себѣ такихъ помощниковъ, которые могли бы дѣйствительнымъ опытомъ и знаніями восполнить недостатокъ компетентности въ дѣлахъ церкви самого оберъ-прокурора. Онъ окружилъ себя сотрудниками или изъ свѣтскихъ чиновниковъ, знанія которыхъ не простирались далѣе канцелярскаго дѣлопроизводства, или изъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя не имѣли ровно никакихъ данныхъ для успѣшнаго выполненія возлагавшихся на нихъ важныхъ порученій. Такъ, правою рукой графа по Духовно-Учебному Управленію былъ директоръ этого учрежденія А. П. Карасевскій, человѣкъ безъ всякихъ педагогическихъ и ученыхъ заслугъ и знавшій учебное дѣло только по канцелярскимъ бумагамъ. По синодальной канцеляріи помощникомъ графа былъ А. П. Войцеховичъ, а по канцеляріи оберъ-прокурорской—К. С. Сербиновичъ. Оба эти лица были типичными чиновниками—карьеристами, всю жизнь проводившими въ канцеляріяхъ, и не отличались никакими талантами ¹⁾; а между тѣмъ они ворочали всеми синодскими дѣлами. Изъ духовныхъ лицъ гр. Протасовъ любилъ прибѣгать, по вопросамъ преимущественно учебнымъ, къ разнымъ архимандритамъ, избѣгая высшей іерархіи. Но эти совѣтники были или чисто случайные или совершенно неудачные. Такъ, напримѣръ, главнымъ совѣтникомъ графа по учебнымъ преобразованіямъ 40-хъ гг. былъ архим. Афанасій Дроздовъ, сдѣланный ректоромъ сиб. академіи, но, по рассказамъ сослуживцевъ, не могшій не только читать лекцій, а даже и написать проповѣди ²⁾.

Всевластіе оберъ-прокурора съ одной стороны, и недостаточная освѣдомленность его въ церковныхъ дѣлахъ, при неудачномъ выборѣ помощниковъ, съ другой стороны, дѣлали протасовскую эпоху самымъ неблагопріятнымъ временемъ для какой бы то ни было созидательной работы въ духовной сферѣ. Все, что могло выйти изъ рукъ дѣятелей протасовской формации, необходимо должно было отразить на себѣ всѣ дефекты духовно-правительственной системы. Поэтому для блага церковнаго было бы самое лучшее, если бы оберъ-прокурорство гр. Протасова не задавалось никакими новыми планами и проектами, а ограничилось бы одной охранительной ролью по

---

¹⁾ См. объ нихъ у Чистовича, Рук. дѣтели, прибавл. I.

²⁾ Приб. къ Тв. Св. О. 1884 г. IV, ст. 344.

отношенію къ старымъ традиціямъ, за исключеніемъ развѣ лишь области экономической, которая была болѣе или менѣе доступна компетенціи оберъ-прокурора. Но гр. Протасовъ отнюдь не склоненъ былъ къ бездѣятельной роли въ синодальномъ управленіи. Протасовская эпоха—эпоха преобразованій въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей церковной жизни—въ области духовнаго образованія. Съ именемъ гр. Протасова связывается цѣлой періодъ жизни нашей духовной школы, и періодъ, весьма недоброй памяти. Последнее вполнѣ естественно, разъ преобразовательная миссія выпала на долю людей, для такой миссіи не пригодныхъ. Протасовскія реформы—одна изъ поучительнѣйшихъ страницъ исторіи нашей духовной школы, наглядно доказывающихъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ въ школьномъ дѣлѣ господство личныхъ взглядовъ и случайныхъ вліяній, лишенныхъ разумной системы и обоснованныхъ принциповъ.

Когда гр. Протасовъ вступилъ въ управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дѣйствовали уставы 1814 года, созданные въ лучшую пору Александровскаго царствованія. По этимъ уставамъ духовное образованіе носило классической характеръ, заимствованный, отчасти съ запада, отчасти отъ старыхъ школьныхъ традицій XVIII вѣка, когда духовная наука не знала другого языка, кромѣ латинскаго. Классическіе языки, по уставамъ 1814 года, занимали въ духовно-школьномъ курсѣ доминирующее мѣсто. Въ курсѣ уѣздныхъ училищъ на латинскій и греческій языки назначалось 36 часовъ, въ курсѣ семинарскомъ на греческій языкъ полагалось то-же 36 часовъ, а языкъ латинскій былъ языкомъ преподаванія; въ академіяхъ на греческій языкъ назначалось 16 часовъ, а латынь была такъ же языкомъ преподаванія, какъ и въ семинаріяхъ. Ни одинъ предметъ духовно-школьнаго курса, даже все богословіе вмѣстѣ взятое, не имѣлъ тогда столько учебнаго времени, какъ древніе языки. Но ставя классицизмъ во главу образованія и принимая, стало-быть, и всѣ принципиальные недостатки классицизма, уставы 1814 года, надо отдать имъ справедливость, организовали духовное образованіе весьма умѣло и разумно. Они не наполняли учебныхъ курсовъ массой предметовъ, а вводили сравнительно немногія, но строго выбранныя и согласованныя съ общою цѣлью школы науки. Катихизисъ, св. исторія, церковный уставъ, арифметика, географія и языки русскій, латинскій и греческій составляли

все содержаніе курса уѣздныхъ училищъ. Словесность, гражданская исторія, философія, математика, богословіе, церковная исторія и языки греческій, еврейскій и новыя составляли весь курсъ семинарій, при чемъ шли, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, не раздѣляясь на части, а въ естественной комбинаціи и послѣдовательности. Каждое семинарское двухгодичное отдѣленіе заключало въ себѣ одинъ предметъ главный и одинъ вспомогательный, и только языки, по самому характеру ихъ изученія, проходили по всему курсу. Отсутствіе многопредметности, стройность и систематичность, составляли отличительную черту и академическаго образованія, которое только философію, словесность и богословіе, съ присоединеніемъ греческаго, еврейскаго и одного изъ новыхъ языковъ дѣлало общеобязательными предметами, а исторію и математику отдавало на выборъ студентовъ. Стройная система и разумное распредѣленіе наукъ придавали духовному образованію того времени замѣчательную цѣлостность, которая вполне могла искупить недостатки самаго классическаго принципа.

Къ несчастію для духовной школы, гр. Протасовъ явился къ оберъ-прокурорскому посту съ своими собственными взглядами на духовное образованіе, которые были совершенно противоположны старымъ школьнымъ традиціямъ. Въмѣсто прежняго классическаго характера, имѣющаго въ виду преимущественно общее формальное развитіе учащихся, гр. Протасовъ хотѣлъ придать курсу духовныхъ школъ характеръ реальный, преслѣдующій главнымъ образомъ утилитарныя цѣли. И этотъ принципъ, конечно, имѣетъ за себя весьма серьезные доводы. Въ наше время, напримѣръ, можно считать, что споръ классицизма съ реализмомъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Но реальный принципъ можетъ принести свои благіе плоды, какъ и всякій другой принципъ, только тогда, когда онъ будетъ проведенъ разумно и послѣдовательно, когда онъ проникаетъ весь строй образованія, что мы видимъ, напримѣръ, въ современныхъ реальныхъ школахъ. Когда же этого нѣтъ, то получаютъ лишь весьма вредные для школы эксперименты. Такимъ именно экспериментомъ являются Протасовскія духовно-школьныя реформы.

Преобразованіе семинарскаго курса.

Основнымъ взглядомъ гр. Протасова на духовное образованіе былъ тотъ взглядъ, что образованіе это надобно возможно

болѣе приспособить къ потребностямъ сельскаго быта, такъ какъ изъ духовныхъ училищъ выходитъ главнымъ образомъ сельское духовенство. При этомъ потребности сельскаго быта графъ понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Священникъ, по его мнѣнію, во-первыхъ, долженъ быть пастыремъ духовнымъ, близкимъ къ народу и понятнымъ для него; но, во-вторыхъ, онъ долженъ быть и наставникомъ поселенина въ его дѣлахъ житейскихъ, быть врачомъ, образцовымъ хозяиномъ-агрономомъ ¹⁾. Откуда графъ проникся подобными взглядами — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ его вдохновило не изученіе вопроса въ его исторіи или иностранныхъ образцахъ, потому что никогда и нигдѣ еще не замыслили въ одномъ лицѣ соединить столько разнообразныхъ профессій. Надо полагать, дѣло просто объяснилось тѣмъ, что графъ не отдавалъ себѣ и самъ отчета въ своихъ взглядахъ, а лишь съ военной безапелляціонностью рѣшилъ, что хорошо бы было „приспособить“ духовенство къ исполненію обязанностей врача и агронома, и, не задумываясь, принялся „приспособлять“. По крайней мѣрѣ яного объясненія невозможно дать протасовскимъ преобразованиямъ, непродуманность которыхъ бросается въ глаза съ перваго взгляда. Впрочемъ, что касается самыхъ пожеланій графа, то въ нихъ не заключалось ничего худого. Конечно, хорошо бы было, если бы священникъ могъ быть врачомъ и агрономомъ, какъ хорошо бы было, если бы каждый человѣкъ былъ специалистъ во всѣхъ профессіяхъ. Этого „хорошо бы“ никто и никогда не отрицалъ. Но всегда только, кромѣ протасовской эпохи, такое соединеніе находили невозможнымъ и не приносящимъ ничего, кромѣ вреда, такъ какъ священникъ врачъ и агрономъ будетъ плохимъ и пастыремъ, и врачомъ и агрономомъ. Графъ Протасовъ захотѣлъ сдѣлать невозможное возможнымъ, и послѣдствія получились тѣ, какихъ и слѣдовало ожидать.

На первыхъ порахъ дѣятельности графа въ роли оберъ-прокурора ему довольно трудно было проводить свои взгляды на духовное образованіе. Во главѣ духовно-учебнаго вѣдомства тогда стояла Комиссія Дух. Училищъ, независимая отъ оберъ-прокурора, члены которой совершенно не раздѣляли

---

¹⁾ Эти свои мысли графъ неоднократно высказывалъ и въ своихъ неподдѣльныхъ отчетахъ; напр., Извлеч. изъ отч. оберъ-прок. за 1839 г. стр. 66 и 1851 г. стр. 104—105.

протасовскихъ воззрѣній. Церковные іерархи, засѣдавшіе въ комиссіи, видѣйшими изъ которыхъ были митрополиты Филаретъ московскій, Филаретъ кievскій и Серафимъ с.-петербургскій, отлично понимали, что проведеніе тѣхъ утилитарныхъ цѣлей, какими задавался Протасовъ, или бесполезно, или вредно. Въ дѣлѣ подготовленія пастырей, по ихъ мнѣнію, духовная школа достаточно исполняла свое назначеніе; готовить же врачей и агрономовъ вмѣстѣ съ пастырями невозможно. Впрочемъ, сначала Комиссія Дух. Училищъ сдѣлала уступку новому оберъ-прокурору. Она исполнила нѣкоторыя его пожеланія, поскольку онѣ касались приспособленія духовнаго образованія къ потребностямъ чисто пастырскимъ. Именно, гр. Протасовъ полагалъ, что семинарская наука слишкомъ отвлеченна, схоластична и превыспрення, отчего священники говорятъ языкомъ, непонятнымъ для народа, что въ богословскихъ наукахъ нѣтъ одной простой руководящей нити, что семинаристы мало знаютъ церковное преданіе, лежащее въ основѣ церковной практики, и даже самую эту практику. Комиссія Д. У. рѣшилась удовлетворить этимъ требованіямъ графа. Въ іюнѣ 1838 года она издала постановленіе, которымъ рекомендовалось преподаваніе семинарскихъ наукъ вести возможно понятно и доступно, освобождая отъ схоластическихъ формъ, въ основу богословскаго ученія указывалось положить одну книгу—Православное Исповѣданіе Петра Могилы, усиливалось преподаваніе „церковныхъ древностей“,—науки, знакомящей съ богослужебными формами и обрядами,—и вводилась новая наука о церковномъ преданіи — „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“. Но когда гр. Протасовъ выступилъ съ своими планами по приспособленію духовнаго образованія къ матеріальнымъ потребностямъ сельскаго быта и захотѣлъ ввести въ семинарскій курсъ медицину и сельское хозяйство, то члены Комиссіи Д. У. отнеслись къ этому явно недоброжелательно. Оберъ-прокуроръ скоро понялъ, что ему едва-ли удастся провести свои взгляды чрезъ Комиссію и привлечь на свою сторону ея членовъ. Тогда онъ рѣшился вести дѣло и помимо Комиссіи и помимо церковныхъ іерарховъ, при чемъ упразднилъ и самую Комиссію, замѣнивъ ее подчиненнымъ себѣ Духовно-Учебнымъ Управленіемъ.

Самые пріемы разработки задуманной Протасовымъ реформы уже предвѣщали мало хорошаго. Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ преобразование учебнаго дѣла, требующемъ

и специальных знаний и опыта, оберъ-прокуроръ обратился не къ выдающимся іерархамъ, изъ которыхъ, напр., м. Филаретъ былъ участникомъ реформы 1808 г., не къ корпораціямъ учебныхъ заведеній и извѣстнымъ ученымъ, а къ людямъ, совершенно случайнымъ. Въ 1837 году образованный при спб. академіи комитетъ для пересмотра учебниковъ потребовалъ между прочимъ отъ ректоровъ академій и семинарій конспекты богословскихъ наукъ. Изъ представленныхъ конспектовъ графу почему-то поправился особенно конспектъ ректора вятской семинаріи архим. Никодима (Казанцева, магистра моск. акад. 1830 г.). Оберъ-прокуроръ рѣшилъ, что Никодимъ можетъ быть осуществителемъ его плановъ, и вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ и поручилъ ему составить новый уставъ для семинарій въ своемъ духѣ ¹⁾. „Вы учились не столько для себя, сколько для насъ, — развивать графъ Никодиму свою точку зрѣнія, — вы наши учителя въ вѣрѣ. Но мы васъ не понимаемъ. Ваша богословія очень выспренность. Ваши проповѣди высоки. У васъ нѣтъ народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ неизвѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его... Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Въ вашихъ школахъ нѣтъ специальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!“ ²⁾. Очевидно, графъ хотѣлъ внушить Никодиму, что задача духовной школы — не образовывать умственно и духовно будущихъ пастырей, а просто приучить къ требосправленію. Онъ внушалъ ему также и тотъ свой взглядъ, что будущихъ священниковъ надо научить лѣзть въ народъ и образцово хозяйничать въ деревнѣ. Но оберъ-прокуроръ, какъ оказалось, ошибся въ своемъ выборѣ. Архим. Никодимъ, хотя и не отличался особыми дарованіями, однако отлично сознавалъ, что планы графа есть дѣло личной прихоти, а не результатъ разумнаго принципа, и что дать имъ надлежащее примѣненіе невозможно. Получивъ графскія директивы объ измѣненіи семинарскаго

---

¹⁾ Арх. Никодимъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ Чт. о. вст. и др. рос. 1877 г. кн. II, самъ рассказываетъ о своихъ работахъ по порученію графа.

²⁾ Чт. о. и. и др. 1877 г. кн. II, стр. 38.

курса, объ упрощеніи существующихъ наукъ, ограниченіи философскаго образованія и введеніи новыхъ утилитарныхъ предметовъ. Никодимъ пробовалъ было разубѣдить графа. Онъ защищалъ старыя порядки, указывая на прочность и цѣнность существующихъ наукъ. Онъ говорилъ, что предлагаемыя графомъ преобразованія ведутъ лишь къ умаленію и обезсиленію духовнаго просвѣщенія, что новыя науки—сельское хозяйство и медицина, хотя и полезны, но онѣ стѣсняютъ другія науки, отъ чего произойдетъ потеря, а не приобрѣтеніе ¹⁾). Особенно защищалъ Никодимъ философію, обреченную графомъ почти на полное изгнаніе. Она нужна, говорилъ онъ, для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія съ истинами естественными, умозрительными и нравственными ²⁾). Но оберъ-прокуроръ ничего не хотѣлъ слышать и заставилъ своего невольнаго сотрудника сочинять уставъ согласно даннымъ директивамъ.

Однако архим. Никодимъ не захотѣлъ быть „орудіемъ разстройства духовной части“, какъ говорилъ онъ. Обязанный волею-неволею взяться за работу, отъ которой онъ отрицался всѣми силами, Никодимъ оставилъ въ сторонѣ вопросъ о учебномъ курсѣ семинарій и сталъ писать только объ учебныхъ порядкахъ, о части административной, нравственной, экономической. Начавъ свою работу въ срединѣ іюля 1838 года, къ сентябрю Никодимъ ее уже окончилъ ³⁾). При этомъ, въ своемъ проэктѣ устава Никодимъ высказалъ не мало весьма здравыхъ соображеній. Такъ, онъ проэктировалъ образовывать ученый совѣтъ изъ наставниковъ при ректорѣ, очевидно, по образцу совѣта гимназическаго, предлагалъ особое приготовленіе наставниковъ, хотѣлъ сдѣлать семинарскіе и училищные классы одноступенчатыми, семинарскій курсъ хотѣлъ превратить въ семилѣтній, а училищный въ пятилѣтній ⁴⁾). Но все это было не то, что было нужно оберъ-прокурору. Поэтому уставъ Никодима не встрѣтилъ поддержки его патрона. Графу Протасову, разочаровавшемуся въ Никодимѣ, приходилось искать

¹⁾ Ibid. стр. 39.

²⁾ Ibid. стр. 41.

³⁾ Ibid. стр. 41.

⁴⁾ Самый уставъ, составленный Никодимомъ, къ сожалѣнію, мы не могли найти въ синодальномъ архивѣ. Поэтому объ немъ приходится судить лишь по словамъ Никодима въ его запискахъ (стр. 42).

новыхъ сотрудниковъ. Прежде всего дѣло изъ рукъ Никодима было передано въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Въ декабрѣ 1838 года было образовано особое совѣщаніе для разсмотрѣнія и усовершенствованія вновь составленныхъ проектовъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ составъ совѣщанія были назначены с. с. Новосильскій (чиновникъ Министер. Нар. Пр.) и колл. сов. Карасевскій, Сербиновичъ и Войцеховичъ. Въ случаѣ пужды къ совѣщанію присоединялся и архим. Никодимъ, а также предоставлялось для объясненій приглашать ректоровъ спб. академіи—арх. Николая и семинаріи—архим. Аонасія. Въ декабрѣ 1838 г. и январѣ и февралѣ 1839 года совѣщаніе имѣло свои засѣданія ¹⁾. По тутъ церковные іерархи пошли на уступки и взяли, наконецъ, дѣло въ свои руки.

Когда гр. Протасовъ сталъ разрабатывать планъ учебнаго преобразованія помимо Синода и Комиссіи Д. Учл., то знавшіе объ этомъ дѣлѣ архіереи не могли не отнестись къ этой затѣѣ отрицательно. Митр. моск. Филаретъ, узнавшій отъ Никодима о данномъ ему порученіи, едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду ²⁾. Впрочемъ, пока была въ силѣ Комиссія, можно было надѣяться остановить преобразовательную ревность оберъ-прокурора. Съ уничтоженіемъ Комиссіи 1-го марта 1839 года ³⁾ оберъ-прокуроръ фактически сталъ полнымъ хозяиномъ въ духовно-учебныхъ дѣлахъ и надежда противопоставить ему вліяніе Комиссіи отпадала. Тогда люди, стоявшіе во главѣ іерархіи, поняли, что бороться напрасно и что долгимъ противодѣйствіемъ можно скорѣе повредить дѣлу, разъ судьба школы будетъ вернаться самымъ оберъ-прокуроромъ съ его случайными сотрудниками. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній высшая іерархія, скрѣпя сердце, согласилась осуществить желанія графа и ввести въ семинарскій курсъ предлагаемыя нововведенія; но въ то-же время она желала сдѣлать это по возможности безъ уничтоженія старыхъ учебныхъ предметовъ, настоятельно необходимыхъ для духовнаго образованія. И вотъ въ результатѣ явился тотъ компромиссъ, какой представляетъ собою реформа 1840 года. Что это былъ компромиссъ, и не добровольный, а вынужденный, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣ-

¹⁾ Дѣло Канц. Об.-прок. 2-го ст. 1-го отд., 1839 г., № 12/1333.

²⁾ Чтѣн. о. в. и др., 77 г., II, стр. 42.

³⁾ При чемъ члены Синода узнали объ этомъ важномъ актѣ лишь при прочтеніи указа.

нія. Когда архим. Никодимъ, въ моментъ разработки преобразованія въ Синодѣ, жаловался митр. Филарету на то, что у семинаріи отнимаютъ философію и сокращаютъ другія высокія науки, навязывая безполезныя вроде сельскаго хозяйства и медицины, то Филаретъ говорилъ: „Что-же дѣлать, надобно уступить что нибудь и имъ: иначе все отнимутъ“, или, какъ сказалъ онъ другой разъ, „отъ нетерпѣливости все перепортятъ“¹⁾. А насколько симпатизировала церковная власть тому, что ее заставляли дѣлать, можно судить по словамъ того-же м. Филарета, который, своими руками сочиняя проектъ преобразованія, говорилъ: „все только портятъ, а не усовершеншаютъ“²⁾.

Послѣ упраздненія Комиссіи Д. У. Св. Синоду пришлось разсматривать проектъ введенія въ семинарскій курсъ медицины и сельскаго хозяйства, внесенный оберъ-прокуроромъ еще въ Комиссію. Въ Синодѣ же поступилъ и проектъ архим. Никодима. Годъ прошелъ въ собираніи разныхъ справокъ и матеріаловъ по проектируемымъ нововведеніямъ. Между прочимъ были затребованы мнѣнія медицинскаго совѣта при мши. внутр. дѣлъ по вопросу о введеніи медицины въ семинарскій курсъ и ученаго комитета при мши. госуд. имуществъ относительно программы сельскаго хозяйства. Любопытно отмѣтить, что медицинскій совѣтъ сразу же высказался, что основательнаго медицинскаго образованія семинаристамъ дать невозможно, а только развѣ лишь можно сообщить нѣкоторыя общія свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе медицинскому совѣту пришлось составлять программу преподаванія медицины въ семинаріяхъ. Ученый комитетъ, которому было предложено составить программу сельскаго хозяйства, тоже не высказалъ особаго одобренія Протасовскому замыслу. Одинъ изъ членовъ комитета, князь Одоевскій, энергично доказывалъ, что для того чтобы была польза отъ преподаванія сельскаго хозяйства, надо преподавать предварительныя мнѣралогическія, ботаническія, метеорологическія и зоологическія свѣдѣнія ученикамъ духовныхъ училищъ, начиная со втораго года приходскаго училища и кончая послѣднимъ годомъ семинаріи. Впрочемъ, ученый комитетъ не принялъ мнѣнія своего сочлена и нашелъ возможнымъ ввести изученіе сельскаго хозяйства въ болѣе уз-

---

¹⁾ Чт. о. и. и др. 77, II, стр. 49.

²⁾ Ibid. стр. 55.